

Семиколенов В.Н. ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУРЫ, ЦЕННОСТЕЙ И МОРАЛИ

Актуальность предложенной темы мы видим, прежде всего, в том, что в настоящее время осознание острого, губительного кризиса культуры проникло в самые широкие слои общества. Еще в начале XX в. в «Закате Европы» Шпенглер озвучил саму идею возможности упадка современной культуры, в поступательное развитие которой тогда многие верили всецело и без рассуждений, связывая это развитие в первую очередь с научными открытиями и технократическими достижениями. Однако сегодня непоколебимый культурный оптимизм остается уделом тех, кто продолжает связывать прогресс с технократическим развитием, не обращая особого внимания на деградацию духовности, морали и редукцию ценностей личности и культуры.

О важности ценностных приоритетов в культуре говорили многие авторы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, М. Шелер и др.). Вопросам морали также посвящено большое количество работ (Т. Адорно, Р.Г. Апресян, А.А. Гусейнов, Г. Ирлитц, В.А. Малахов, А.Н. Чанышев и др.). Однако не была выявлена взаимосвязь между ценностями и моралью, не был прояснен сам механизм влияния культуры на ценности и мораль, что и будет задачей данной работы.

Представляется, что культура – это особый способ освоения мира человеком, со своими методами деятельности, нормами и идеалами. Культура неизбежно продуцирует ценностно–смысловой дискурс. Ценности предстают как ментальные репрезентации реальности. Таким образом, любой вид человеческой деятельности связан со смыслом и представляет собой практический способ его опредмечивания. Создание новых актуальных смыслов выступает перманентной целью жизнедеятельности как человека, так и общества. Все сферы жизни человека проникнуты смыслом, образующим культурную составляющую его бытия. Однако бытие смыслов и ценностей невозможно вне связи с моралью и нравственностью, а также с морально–нравственным идеалом.

Современное понимание культуры связывается с функционированием общества и поведением людей, с образом их жизни, по отношению к которому она выступает как формирующий фактор. Системой образования, воспитания и массового идеологического воздействия феномены материальной и духовной культуры превращаются в компоненты ценностного мира человека, в мотивы поведения. Идеационный подход (П.Сорокин) рассматривает культуру как ментальную сферу неотъемлемых от экзистенциальных потребностей человека смысловых значений. Смысловые значения конституируются в сознании человека, когда он в соответствии со своими экзистенциальными потребностями осмысливает реальность бытия, при этом непосредственно с ним взаимодействуя [1]. Таким образом, идеационная концепция акцентирует внутренние побудительные мотивы культуротворческой деятельности человека, сводя их к феноменологии ценностно–мировоззренческих диспозиций его мышления, где ключевое место занимает моральное долженствование. Моральное долженствование выражает не просто статистически средний уровень общественного поведения, фактическое состояние нравов, но и историческую тенденцию, направление дальнейшего совершенствования человека. Содержание требований нравственности не только фиксирует уже достигнутое, ставшее обычаем, но и ориентировано на будущее, которое выступает в качестве идеала.

С точки зрения адаптационного подхода к пониманию культуры (А.Гелен), культура – это прежде всего совокупность целей, средств, посредников и результатов деятельности людей, направленная на целесообразное преобразование окружающих природных и социальных условий. Человек несет на себе груз ответственности за собственное выживание, самоопределение [Цит. по: 2; 64]. Мировоззренческие ориентиры А.Гелен рассматривает с точки зрения адаптационно-утилитарных мотивов материального обеспечения жизни. Как полагает А.Гелен, совокупность измененных или вновь созданных фактов вместе с необходимыми для этого средствами – как «средствами представления», так и «вещественными средствами», – можно назвать культурой.

В позиции А.Гелена для нас интересным представляется указание на то, что для совершения действия и выбора направления движения главную роль играют именно мировоззренческие ориентиры, которые, на наш взгляд, в обязательном порядке включают в себя мораль и нравственные ценности, моральную рефлексию. Таким образом, исходя из адаптационного подхода в понимании культуры, следует, что культура не развивается хаотически. Это направленное развитие, даже если субъекты культуры не осознают этого направления и их действия не подчинены, как говорил И.Кант, «законодательству разума», т.е. ценностной и морально-нравственной рефлексии, следованию моральному императиву.

Кризис духовности мы связываем в первую очередь с упрощением, одномерностью смысловых содержаний как культуры, так и внутреннего мира ее субъектов, потому что смысловые содержания представляют собой выражение и осознание отношения человека к Бытию и к самому себе. Это, как считает И.Г.Сухина, «позиционирование человека в мире через фиксированное (экзистенциальное) отношение к нему как к интенциональной проекции своей личной самости, актуальная система ценностной ориентации (ценностей)» [3, с. 172]. Таким образом, редукция смыслов есть ни что иное, как редукция ценностей. Однако упрощение ценностей означает не то, что для их реализации не потребуется усилий, но то, что это усилия не морального характера. Моральные же усилия человеку современной культуры прилагать якобы не обязательно.

В предыдущие эпохи неспособность прилагать моральные усилия квалифицировалась как слабость духа. Однако в современной культуре моделируется возможность их не прилагать и при этом избежать морального конфликта, отказавшись от высших ценностей, таких как добро, благо, честь, вера, патриотизм,

самопожертвование, заменив их другими ценностями или наполнив другим содержанием, что в ситуации плюрализма ценностей современной культуры сделать достаточно просто.

В современной культуре выносить оценочное суждение с позиций добра и зла, морального или аморального становится чуть ли не признаком дурного тона. В ней как будто незримо (а иногда и зримо) присутствует требование лояльности к любому мнению, однако подобная позиция предполагает отказ от моральной рефлексии как от чего-то ненужного, отжившего, устаревшего. Тем не менее, обойтись без подобной рефлексии представляется затруднительным прежде всего потому, что моральная рефлексия непосредственно связана с аксиологической.

Ценности (ценностные смыслы) выступают теми диспозиционными установками сознания, которые конституируют структуру восприятия, поведения и праксиологической активности человека в конкретных условиях его жизнедеятельности. Вследствие этого представитель Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд утверждает, что именно ценности как жизненные цели оказывают определяющее влияние на эксплицитные мотивации человеческой деятельности, которые отличаются от стихийных процессов природы [4]. При этом он подчеркивает, что ценности как актуальные нормативные («значащие») принципы конституируют общий план всех функций культуры и, соответственно, всякого конкретного осуществления ценности, которая, будучи предельным воплощением смысла, выступает как цель сама по себе (т.е. к ней стремятся ради нее самой, а не ради утилитарного интереса, прагматической выгоды или гедонистического удовольствия).

Представитель Баденской школы неокантианства Г.Риккерт особо подчеркивал, что «во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления созданы или, если они существовали раньше, взлелеяны человеком» [цит. по: 5; 16]. Таким образом, целеположение, полагание ценности и смысла представляются первичными по отношению к реалиям культуры. В таком случае возникает необходимость выявить те цели, ценности и смыслы, которые обрели свое бытие в нынешней культуре, и только после этого либо принять их, либо отвергнуть.

Российский философ П.Гуревич подчеркивает, что «ценность – это жизненная ориентация человека. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, придают смысл человеческой жизни» [6, с. 341–342]. Само понятие «ценность» (которое впервые появляется у И. Канта, противопоставившего сферу нравственной свободы сфере природной необходимости), трактуется как фиксированная в человеческом сознании смысловая характеристика отношения феноменов объективной реальности к человеку, и, соответственно — человека к реальности, поэтому в систему аксиологии могут быть инкорпорированы этика, эстетика, социальная философия, философия творчества, философия религии и т.д., затрагивающие ценностно-мировоззренческие основания человеческого бытия в мире.

Действие человека всегда имеет свой ценностный смысл, заключающийся в его ориентации на соответствующую «идеальную модель». Э.Агацци различает целенаправленное и ценностно-ориентированное поведение [цит. по: 7, с. 65]. Механизм собственно человеческой деятельности всегда осуществляется как экзистенциальный поиск и актуализация содержательных смыслов, «вычитываемых» (выражение М.Хайдеггера) человеком в Бытии. Как отмечает И.Г.Сухина, «актуализация смысловых значений создает те моменты интенционального напряжения человеческого сознания, которые продуцируют креативный процесс культуротворческой деятельности. Это значит, что культуру способна порождать такая (креативная или культуротворческая) деятельность, которая вызвана актуализацией экзистенциальных смысловых значений и представляет собой праксиологический способ их опредмечивания (объективации)» [8, с. 172]. Если это общий принцип, то в таком случае в современной культуре явно прослеживаются как минимум два пласта ценностей – действительно экзистенциально необходимых и мнимо экзистенциально необходимых.

Согласно кантовскому определению, «всякая формула, выражающая необходимость действия, называется законом», но при этом значимым является различие, согласно которому «все законы суть физические или практические» [9, с. 61]. Одним из таких практических законов, запускающих действие и придающего ему статус легитимного, является поощрение в виде благосклонной реакции и расположения окружающих, оказания психологической или материальной поддержки при совершении того или иного действия, или применение моральных санкций – одобрение или осуждение индивида, выраженное в виде положительной или отрицательной оценки действия, признание заслуги или вины человека. Санкция эта может осуществляться «со стороны» – ближайшим окружением, коллективом, другими лицами, а может совершаться «изнутри», то есть самим субъектом действия, судящим о своих акциях. Но в современной культуре создается такое положение, что «разрешено все, что не запрещено уголовным кодексом».

Однако мораль учит не только тому, как следует поступать человеку, но и тому, каким он должен быть, как он может сделаться лучше. Нравственное воздействие, в отличие от социально – психического, всегда содержит в себе вопрос: «Во имя чего живет человек?», поэтому категория цели занимает основное положение во всех сферах как общественной, так и индивидуальной деятельности. Это та категория, которая появляется с момента вступления человека в жизнь и проявляется во всех действиях, при помощи которых человек овладевает миром, культурой, то есть приспособливает ее к своим потребностям и целям. Она также проявляется во всех поступках, которыми руководствуется человек в общественной деятельности в ее самых различных формах (в хозяйстве, воспитании, управлении государством т.д.). Представляется, что моральная цель непосредственно связана с моральными ценностями, реализацией этих ценностей. Моральную цель можно было бы одновременно назвать и наивысшей моральной ценностью или общим понятием для обозначения суммы моральных ценностей. От цели зависит действие всей системы ценностей. Если меняется цель, изменяется вся система ценностей, происходит «переоценка ценностей». Изменение цели надо всегда понимать как отражение изменений в культурной парадигме общества. Именно поэтому вызывает

тревогу незаметное устранение из самосознания человека и культуры моральных целей.

Польский социальный философ Ф. Знанецкий пишет: «следует допустить, что непосредственная реальность представляется неограниченным многообразием конкретных ценностей, что только ценности даны нам непосредственно и ничего сверх них» [цит. по: 10, с. 264]. Поэтому культура представляется им реальностью «мира ценностей», и этот «ценностно-смысловой мир» есть аутентичный «жизненный мир» человека. Мораль же, теснейшим образом связанная с ценностями, осуществляет управление поведением посредством общих для данного коллектива (класса, общества) фундаментальных представлений о добре и зле, о правильном или неправильном, достойном и недостойном, т.е. посредством системы моральных и нравственных ценностей. Однако нравственное регулирование прежде всего предполагает: а) наличие идеала, который содержит представление о «лучшем Я», б) систему норм, выполнение которых является средством достижения моральной цели, идеала; в) оценку поведения и, наконец, г) специфические формы социального контроля, обеспечивающие выполнение норм.

Мы склоняемся к мысли, что культура есть направленность, и направлена она всегда на какой-то идеал, выходящий за рамки индивидуального, на идеал сообщества. Идеал может быть самого разного рода. Как отмечает Й.Хейзинга, идеал может быть чисто духовным – блаженство, близость к Богу, отрешение от всех земных уз, либо знание – логическое или мистическое, знание естественной природы, знание своего «я» и духа, знание божественной природы. Идеал может быть общественным: честь, благородство, почет, власть, но все это всегда – по отношению к обществу. «Он может быть экономическим – богатство, благоденствие, либо гигиеническим – здоровье. Для носителей культуры идеал всегда означает «благо». Благо сообщества, благо здесь или где-то, теперь или потом», – пишет он [11, с. 259–260].

Одна из проблем заключается в том, что в современном информационном, постиндустриальном обществе наблюдается крайний дисбаланс в идеалах духовных, моральных, творческих – с одной стороны, и материальных, витальных, экономических – с другой, не в пользу первых. Как представляется, идеал познания мира человеком и культурой также утерян, несмотря на изобилие информации. И не только потому, что такое ее количество невозможно ни усвоить, ни осмыслить, а прежде всего потому, что эта информация (даже та, которая могла бы оказаться полезной) не имеет стержня, на который она могла бы нанизываться и вокруг которого структурироваться. Утеряна ось – моральные, духовные смыслы, ценности и цели. В отсутствие моральной цели и морального идеала избыточность информации оказывается не только бесполезной, но и вредной для формирования человеком себя как морального существа, четко различающего добро и зло, понимание которых в культуре постмодерна становится настолько размытым, что эти понятия практически теряют смысл.

Соответствующее общему состоянию культуры философско-интеллектуальное течение, получившее название постмодернизм, не может решить проблемы устойчивости личности и культуры прежде всего потому, что подвергнув скепсису все имеющиеся константы, и в первую очередь моральные, устранив моральный конфликт не путем следования моральному императиву, а путем разрушения всяких императивов, оно разрушает вместе с ними тот внутренний стержень, вокруг которого структурируется как внутренняя духовная жизнь человека, так и его поведенческие реакции. Как отмечает В.В.Кизима, «постмодернизм – современный революционаризм, для которого деструкция и плюрализм не просто принципиальны. Они тотальны. Революции и войны начала и первой половины XX в. для него детский лепет – они «всего лишь» меняли социальный строй и перекраивали границы. Постмодернизм же под видом преодоления диктата метанарративов и всеобщего освобождения человеческого духа взрывает – и уже не только в сознании – всю человеческую культуру. С этим в какой-то форме можно было бы согласиться как с назревшим шагом, если бы при этом присутствовало и играло ведущую роль некое созидательное начало. Но таковое отсутствует» [12, с. 189].

В современной культуре трудно найти то, что можно было бы назвать высоконравственным образцом, который был бы принят если не всеми, то хотя бы большинством. Образец — идеальная модель поступка. Как говорил Гегель, «выражение воли как субъективной, или моральной, есть поступок. Поступок содержит названные выше определения: а) я знаю его в его внешнем выражении как мой, б) он в качестве должностного есть существенное отношение к понятию и в) к воле других... Лишь выражение моральной воли есть поступок» [13, с. 159].

Для претворения в жизнь идеальной модели поступка недостаточны запрет, шаблон, страх перед коллективным наказанием, но необходима внутренняя убежденность в превосходстве данной модели над всеми другими, в ее ценности, поскольку прежде всего переживание ценностей лежит в основе нравственного поведения. Характерным для морального регулирования является то, что человек свободно и сознательно соблюдает определенные нормы, что эти нормы оказываются способными выполнять роль детерминантов поведения. Однако то, что человек соблюдает эти нормы свободно, не означает, что их соблюдение не требует от него нравственных и волевых усилий. Но именно способность прилагать сознательные волевые моральные усилия, на наш взгляд, отличает человека от животного. Человека, наделенного волей, или, что одно и то же, практическим разумом, Кант называет «*homo noumenon*», подчеркивая, что «это существо не досягаемо для чувств, и оно познается только в морально-практических отношениях» [14, с. 354].

В течение всех периодов общественного развития основной функцией морали было регулирование индивидуального поведения людей в соответствии с нормами и принципами, в которых отражены интересы определенных социальных слоев общества. Исходя из теории интериоризации Л.С.Выготского, а также деятельностно-коммуникативной теории человека Л.П.Будевой, мы можем констатировать, что изменения, происходящие во внешней среде, в обществе, в культуре, не могут не усваиваться человеком, не воздейст-

вывать на его внутренний мир, но мы можем позволить себе предположить, что степень нежелательного влияния этих изменений на внутренний мир человека находится в обратно–пропорциональной зависимости от наличия у него морального императива, моральных ценностей и целей, а также от способности прилагать моральные усилия.

В изменившемся не только духовно, но и технологически мире предотвратить нежелательные информационные воздействия как на внутренний мир человека, так и на самосознание культуры становится все более трудной задачей. Тем не менее, знакомое словосочетание «нравственная природа человека» указывает на то, что человек — не просто природное существо, что он не просто «животное общественное и разумное», как его в древности определял Аристотель. Сказать, что человек по природе своей есть существо нравственное – значит дать определение человека как существа, различающего добро и зло. И в таком случае именно этика становится фундаментальной наукой о человеке, ибо, по справедливому слову Н.О.Лосского, она «есть наука о нравственном добре и зле и об осуществлении его в поведении человека» [15, с. 24].

Представляется, что человек, обреченный на действие, с необходимостью должен осознавать смысловое, ценностное, нравственное содержание поступающей информации и уметь прогнозировать последствия поступков, совершенных под влиянием этой информации. При этом следует учитывать, что, как говорил Гегель, «поступок, перемещенный во внешнее бытие, всесторонне развивающееся сообразно своим связям в последовательности внешней необходимости, ведет к многообразным последствиям. Последствия, как образование, имеющее своей душой цель поступка, суть его (принадлежащее поступку), но, вместе с тем, поступок в качестве положенной во внешнее бытие цели отдан во власть внешним силам, которые приводят с ним в связь нечто совершенно другое, чем то, что он есть для себя, и перемещают его, заставляя переходить в отдаленные, чуждые ему последствия. Воля имеет также право вменять себе лишь первые последствия, ибо лишь они входят в ее умысел» [16, с. 162]. Так Гегель видит специфику действия человеческого сознания и воли. Если выводы Гегеля верны, то в ситуации информационного общества становится еще более сложным предположить не только отдаленные, но и первые последствия поступка, не отрефлексирав его внутренние мотивы и внешние стимулы к его совершению.

Человечество уже столкнулось с последствиями смещения акцентов в вопросах оценки собственного прогресса из области духовных достижений в область достижений технократических. Результатом этого процесса стал кризис духовности и морали. Кроме того, как считает Э.Фромм, «тенденция к возведению технического прогресса в высшую ценность связана не только с чрезмерным акцентом на интеллект, но, что особенно важно, с глубокой эмоциональной привязанностью ко всему механическому, неживому, изготовленному человеком. Пристрастие к неживому, которое в своей крайней форме оказывается пристрастием к смерти и распаду (некрофилия), в менее резкой форме ведет к безразличию по отношению к жизни вместо «благоговения перед жизнью» [17, с. 251].

Созданная человеком «вторая природа» по тому значению, которое человек ей придает, выходит для него на первое место, отесняя не только саму жизнь, «первую природу», но и внимание к собственному духовному миру, задачу совершенствования собственной нравственной природы. При этом как бы нивелируется понимание того, что «вторая природа» не онтологична, не обладает собственным, не зависимым от человека бытием, что как материальная, так и духовная культура, мир идей и информации созданы самим человеком, а не существуют независимо от него.

Представляется, что с дальнейшим развитием информационного общества будет все более усложняться проблема мировоззренческого, а, соответственно – аксиологического и морального самоопределения человека. Тем не менее, если такое самоопределение будет достигнуто и понятия моральной цели, моральной ценности, морального императива и морального усилия станут приоритетными в культуре, то это, пожалуй, единственное, что может укрепить ее иммунитет и дать устойчивое основание для выхода из духовного кризиса, который в современном мире приобрел масштабы глобального. Поэтому человек и культура сегодня как никогда нуждаются в самопознании. Человеческая жизнь отличается от жизни любого другого существа тем, что она есть осознаваемая жизнь. Только биологическое существование человека, даже предельно комфортное и безопасное, насыщенное информацией различного характера, но ведущей не к самосозиданию себя как нравственного существа на практике, в действии, а только лишь к развлечениям ментального и эмоционального характера, равноценно его духовной смерти. Однако углубленное самопознание, на наш взгляд, включает в себя в качестве необходимых составляющих морально–нравственную и аксиологическую рефлексию.

Дальнейшее изучение проблемы взаимодействия культуры, ценностей и морали нам представляется перспективным вести по следующим направлениям:

- прояснить различие между сознательными и бессознательными ценностями и моральными установками, изучить специфику их формирования в информационном обществе;
- исследовать феномен реификации (восприятия произведенных человеком феноменов в качестве вещей, т.е. объективированных сущностей, принадлежащих как бы «природному миру» с его законами, независимыми от человека) в контексте создания обществом и культурой искусственных ценностей;
- проследить механизм легитимизации ценностей постиндустриального информационного общества и их связь с моралью.

Источники и литература

1. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

2. Балабанова Г.П. Культурные пространства производства человеческого в человеке // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». – Том 17. – №1 (2004). – С. 64–70.
3. Сухина И.Г. Аксиологический подход к проблеме интерпретации феномена культуры // Практична філософія. – № 4. – 2004 (№14). – С.170–179.
4. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. – М.: Юристъ, 1995. – 688с.
5. Кармин А.С. Основы культурологии: морфология культуры. — СПб.: Лань, 1997. — 509 с.
6. Гуревич П.С. Философская антропология. – М.: NOTA BENE, 2001. – 456 с.
7. Балабанова Г.П. – Там же.
8. Сухина И.Г. – Там же.
9. Кант И. Лекции по этике // Кант И. Лекции по этике: – М: Республика, 2000. – С. 38–222.
10. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб.: Лань, 1998. – 448 с.
11. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи // Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс–Академия, 1992. – 464 с.
12. Кизима В.В. Тоталогия. – К.: Парапан, 2005. – 272 с.
13. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
14. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Соч. в 6–и т. – Т. 4. – Ч. 2. – М.: Мысль, 1966. – С. 107–438.
15. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
16. Гегель Г.В.Ф. – Там же.
17. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М: Республика, 1993. – 415 с.

Стукало О.О.

ДО ПИТАННЯ ПРО ПЕРСОНАЛІСТИЧНЕ СПРЯМУВАННЯ ДІАЛОГІЧНОЇ ЕТИКИ

Звернення до діалогічної етики зумовлене її надзвичайною актуальністю як для теоретичної етики, так і з огляду на практичні запити щодо формування морального простору сучасного суспільства. Трансформаційні процеси в філософському дискурсі призвели до загостренні уваги на проблемах комунікації, інтерсуб'єктивності, діалогу, що вимагає залучення до сфери етичних рефлексій осмислення концепту Іншого та діалогічного виміру людського буття.

Сучасна „індивідуалізована” моральна свідомість вже не сприймає посилення на абсолютні ідеали та апеляцію до надособистісних моральних принципів. Зокрема, теоретик постмодернізму та видатний соціолог сучасності З.Бауман зазначає, що для постмодернізму характерна мораль без етики, де визначальною стає індивідуальна моральна відповідальність як така, що відчувається людиною, а не постає соціально санкціонованим зобов'язанням. Це призводить до панування індивідуалістичної установки та орієнтації на „ідеал автентичності” (Ч.Тейлор), який сверджує: „Я не тільки не повинен пристосовувати своє життя до вимог зовнішнього підпорядкування, я не можу навіть знайти поза своєю особистістю взірць, за яким жити. Я його можу знайти лише у глибині свого ества” [6,28]. Така ситуація зумовлює, на наш погляд, необхідність пошуку нових шляхів обґрунтування морального, так би мовити, шлях „знизу” до „верху”: від безпосередності людських відносин, які незмінно становлять базовий простір людського існування та містять в собі передумови моральності відношення. Слід зазначити, що сучасний індивідуалізм, ризикуючи переродитися в егоїстичний соліпцизм, становить загрозу для „морального здоров'я” суспільства та призводить до кризи духовності. З огляду на це, набуває актуалізації традиція діалогічної етики, а саме, в контексті того особистісного потенціалу, який вона може привнести для самоздійснення сучасного індивіда.

Найбільш ґрунтовне дослідження діалогічної етики здійснюється В.Малаховим, також до розгляду цієї проблематики звертаються К.Сігов та В.Даренський. Персоналістичне спрямування мислителів діалогічно-го напрямку було акцентоване в працях П.Гуревича, К.Вальверде та інших.

Ми ставимо собі за мету розкрити персоналістичне спрямування етики, що постала в межах філософії діалогу. А отже, звернемося до розгляду діалогічної етики через призму проблеми людської особистості.

Діалогічну етику можна визначити як напрямок в етиці, який склався на початку двадцятого століття на ґрунті філософії діалогу (М.Бубер, Ф.Розенцвейг, Ф.Ебнер, Г.Еренберг, О.Розеншток–Хюсі, М.Бахтін та Е.Левінас). Представники діалогічної філософії ставили собі за мету створення нового типу рефлексії на основі діалогу, де за визначальноє було взяте безпосереднє Я–Ти відношення. Суттєвою складовою нового мислення, яке орієнтувалося на втілення у „вчинок”, а не обмеження рівнем споглядання, була критика монологічної мови класичної філософії та зосередження на „відношенні”, а не на пізнанні. Діалогічна етика знаходить джерело моральних зобов'язань у безпосередньому Я–Ти відношенні та зорієнтована на визнання первинності особистої моральнісної відповідальності.

Становлення етики в межах філософії діалогу тісно пов'язане з особливостями того напрямку в філософії, який отримав розвиток ще з другої половини дев'ятнадцятого століття. Його виникнення зумовлене протестом мислителів проти пануючих в історії європейської філософії принципів раціоналізму, ствердженням необхідності переоцінки цінностей класичної філософії та відмовою від її традиційної проблематики. Вони звернулися своєю творчістю, яка слугувала їх екзистенційному духовному самовираженню, до конкретного існування людини, до інтуїтивних, емоційно–вольових способів освоєння духовного досвіду